

Смокуновский И.

14 IV 85

КОММУНАР
г. Тула

14 АПР 1985

4 страница

ВОСКРЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

СУДЬБА НЕЛЕГКАЯ, НО СЧАСТЛИВАЯ

Одному из ведущих актеров Московского Художественного академического театра (МХАТа), народному артисту СССР Иннокентию СМОКУНОВСКОМУ исполнилось 60 лет. Предлагаем читателям встречу с ним.

— В дни юбилеев принято подводить итоги. Испытываете ли вы, Иннокентий Михайлович, удовлетворение от того, что вами сделано!

— Пройденный путь — это прежде всего большая работа, без которой я не мыслю своего существования. Что же касается итогов, то если бы все мои персонажи — а их число уже приближается к двумстам — вдруг вышли бы мне навстречу, то стало бы просто страшно... Ну, а если серьезно, то у меня в искусстве судьба нелегкая, но счастливая. Я был князем Мышкиным и Гамлетом, чеховским Ивановым и царем Федором Иоанновичем... О каждой из этих ролей мечтает каждый актер.

Самой удачной своей работой я продолжаю считать роль князя Мышкина, сыгранную уже довольно давно в спектакле, поставленном Георгием Товстоноговым по роману Достоевского «Идиот» в Большом драматическом театре в Ленинграде. С нее я и начинаю отсчет моей творческой биографии.

А вообще, конечно, мне дороги все мои работы — ведь в каждую вложена частица души. Так родителям дороги дети, независимо от красоты и таланта, которыми наградила или обделила их природа...

— Расскажите, пожалуйста, о вашем подходе к решению того или иного образа.

— Все роли для меня начинаются по-разному, часто совсем неожиданно. Мне, например, очень помогает музыка: иногда мелодия или какой-то определенный ритм вдруг подскажет верный путь к роли! Вспоминаю, как я мучился и никак не мог найти интонацию монолога Чацкого «Чуть свет уж на ногах, и я у ваших ног»... И вот однажды, после очередной мучительной репетиции я пришел домой и услышал одну из песен в исполнении Эдит Пиаф. Мне показалось, что я уже где-то слышал эту музыку. И вдруг меня осенило: эта мелодия была как бы звучащими стихами из «Горя от ума» Грибоедова. Я стал читать монолог — и все сразу стало на место...

Но есть азы, без которых немислимо начинать работу вообще. Литературный материал, давший мне

новую роль, должен быть проверен, изучен, «прощупан» досконально. Должны быть прочитаны, по возможности, все произведения, принадлежащие автору. Например, приступая к Гамлету, я немного выучил английский язык — чтобы понять, глубже осмыслить Шекспира.

Последняя моя большая театральная роль — Порфирий Головлев в спектакле МХАТа по роману Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Работа для меня была чрезвычайно трудной. И прежде всего потому, что едва ли не впервые я создавал на сцене образ человека ярко негативной сущности. Работая над этим образом, я стремился сделать черты его характера более выпуклыми, узнаваемыми. Мне хотелось, чтобы ужаснулись сидящие в зале, чтобы еще и еще раз подвергли суровому испытанию себя, свою жизнь. Иногда мне кажется, что роль удалась, а иногда думается, что можно было бы сделать еще что-то...

— А как складывались ваши отношения с режиссерами!

— Убежден, что без хорошего режиссера удачный спектакль или фильм получиться не может. В моей творческой жизни режиссеров было много, и отношения с ними складывались по-разному. С некоторыми мне было трудно, думаю, что и со мной многим из них было непросто — я, честно говоря, всегда стремился их желания увязывать со своим хотением. Вообще я считаю, что режиссер должен доверять актеру, выявлять его желания и возможности. Я не принимаю и не понимаю чисто режиссерский театр, где ставится все, вплоть до положения пальцев исполнителя...

Долгое время моим главным принципом было не работать продолжительное время с одним и тем же постановщиком. Но так было до того, как я встретил Олега Ефремова, своего единомышленника в искусстве. Ефремов — тот творческий реактор, из которого черпают энергию многие и многие, окружающие его. Мы с ним хорошо понимаем друг друга, но это совсем не значит, что наши голоса всегда звучат в унисон, мы часто спорим, но в этих спорах — так нам хочется верить — рождается гармоничное звучание. Я люблю в Ефреме не только режиссера, но и человека, который удивительно трогательно относится к нашей братии — актерам, он трепетно любит актеров, а это встречается нечасто. Я благодарен ему за то, что он мне помог обрести родной дом — Художественный театр.

— В чем для вас отличие работы в театре и в кинематографе!

— Работу в театре и кино не различаю. Есть, разумеется, чисто технические различия, как, впрочем, и на радио или телевидении. Но и только. Жизнь человеческого духа — предмет нашего искусства, будь то сцена, экран или эфир.

— Как вы сами определяете то общее, что есть во всех ваших ролях!

— Я бы сказал, что все мои персонажи живут напряженной жизнью духа. Не столько и не только физическим действием обусловлена жизнь моих героев, сколько действием внутренним. Именно в этой сфере могут происходить самые неожиданные коллизии и метаморфозы. Это, на мой взгляд, и есть самое интересное в человеке. Мне мой персонаж интересен изнутри, мне хочется вскрыть глубинные, подсознательные мотивы его поступков.

Я не люблю хрестоматийные, по заранее известным канонам построенные работы. Мне интересно посмотреть на моего героя с новой стороны. Например, когда я играл Плюшкина в телевизионном фильме «Мертвые души» по поэме Гоголя, мне хотелось показать, что «мой» Плюшкин, как мне хотелось бы верить, не потерял окончательно чувство человеческого достоинства. Впрочем, слишком жесткий, на мой взгляд, монтаж, отсекал многое, что было необходимо для выявления логики поведения моего персонажа. Вообще, я думаю, что невероятно трудно — если не совсем невозможно — сделать экранизацию на уровне столь высокой прозы.

— И последнее: каковы ваши пожелания самому себе!

— Больше интересной, сложной работы в театре, кино, на телевидении и радио. Хочу написать книгу с рассказами о своих любимых ролях. Хочу, чтобы была здорова моя жена, чтобы сын Филипп вырос в настоящего человека и актера, чтобы дочь Маша стала если и не такой блистательной балериной, как Плисецкая, но вполне приличной солисткой балета. Хочу, чтобы мои друзья доверяли мне, хочу не обмануть ожидания всех тех, кто верит в меня.

Хочу, чтобы ни мои дети, да и ничьи дети на земле не пережили того, что выпало на долю моего поколения. Чтобы мы все, и дети, и внуки наши, отпраздновали и пятьдесят, и сто, и бесконечное число мирных лет.

Е. СИТНИКОВА.